Сир Освелл Уэнт

Сир Освелл изо всех сил старался сохранять хладнокровие. Все должно было быть гораздо проще: он провел годы, служа Безумному Королю Эйрису, стоял и смотрел, к своему стыду, как Эйрис сжигает людей заживо, как он берет нежную Рейллу против ее воли, как он задирает нос перед собственной внучкой. Сир Освелл уже должен был привыкнуть ко всему этому. Но прошло уже полтора десятка лет. Он был далеко от всего этого, был сам себе хозяин и сколотил состояние, даже если сделал это во имя мальчика, который, как он надеялся, действительно мог стать королем. Он больше не удовлетворялся капризами сумасшедших. И глядя сейчас на разъяренного безумца перед собой, он мог только проклинать тот факт, что он дядя короля, что Освелл, несмотря ни на что, поклялся не причинять вреда родне Джейхейриса. Тем не менее, его кулак медленно сжимался от желания вколотить в мальчика хоть немного здравого смысла. Вот уже два года Принц Визерис носился взад и вперед между собой и Герольдом в надежде, что однажды его отправят в Драконий Камень, чтобы он присоединился к сестре, племяннику и остальным членам семьи.

Визерис продолжал бушевать перед Освеллом, и тот на несколько долгих мгновений крепко зажмурился и глубоко вздохнул. Он напомнил себе о слове, которое получил от "ртура и Герольда. Дейнерис, как они и надеялись, была доброй и нежной, с жестоким стержнем из валирийской стали. Джейхейрис был благороден и справедлив, храбр, силен и мудр не по годам, настоящий король, если он вообще когда-либо существовал. Его дети были сильны и процветали, а через несколько лун должен был появиться третий. Это было все, на что они надеялись, когда Джейхейрис впервые родился среди пепла всей этой трагедии. Все, на что они надеялись, и даже больше. Джейхейрис был лучшим человеком, чем даже его отец, без следа безумия Таргариенов. У него уже был наследник и драконы. Впервые почти за два столетия в распоряжении истинного короля оказались драконы. Все, что им нужно было сделать, это дождаться того дня, когда наконец настанет время вернуть Железный Трон. И надеяться, что они придумают, что делать с сумасшедшим дядей короля, прежде чем он снова станет проблемой.

"Мой принц", - наконец произнес Сир Освелл, с трудом выдавив голос сквозь стиснутые зубы. "Мы объясняли тебе это снова и снова, но пришло время выслушать тебя. Единственная причина, по которой мы сохранили тебе жизнь, несмотря на все твои разговоры об измене, это то, что ты принц по крови. Но ты не король и никогда им не будешь. Истинный король достиг совершеннолетия, а его сын и наследник уже растет. У тебя нет никаких претензий. Ты никогда не сядешь на трон. Твой племянник, когда придет время, будет иметь за спиной по меньшей мере четыре из Семи Королевств. И еще четыре дракона. Сир Герольд и я уже перебрасываем наших людей в Королевские Земли, в Простор и Дорн. Мы захватим власть, и на троне снова будет Таргариен. Но это будешь не ты. За тебя никто ничего не скажет, даже твоя родная сестра. Откажись от этой безнадежной борьбы за власть и встань за своего племянника, и он примет тебя. Судя по всему, он добрый и милостивый молодой человек, до такой степени, что он может быть глуп в отношении тебя. Но если ты этого не сделаешь, то будешь изгнан и никогда не увидишь, как возрождается твой дом".

Визерис несколько раз пытался заговорить с ним, но последние несколько фраз он молчал, глядя на Освелла широко раскрытыми безумными глазами. Его рот искривился в подобии рычания. "Моя мать, королева, короновала меня", - выплюнул он. "Меня. Не выскочку-ублюдка моего брата. Я - король, и они вручат Трон мне. Он мой". Его глаза сузились. "Не будите дракона, Сир Освелл".

Освелл вздохнул. Боги, что он такого сделал с Эртуром и Герольдом, чтобы заслужить этого

идиота? "Если бы твоя мать знала, что законнорожденный сын Рейгара жив, она первой поддержала бы его притязания", - сказал он. "В конце концов, она была скорбящей, отчаявшейся женщиной, иначе никогда не надела бы корону на голову мальчика, который, как она знала, был таким же сумасшедшим, как ее муж. Поверь мне", - и добавил, прежде чем Визерис успел продолжить свою тираду. "Я знал королеву дольше, чем ты. Она была умной женщиной. Она была бы первой, кто сказал бы тебе отойти в сторону".

"Моя мать, королева, короновала меня", - закричал Визерис, и Освелл, вздохнув, вышел из комнаты, заперев за собой дверь, чтобы больше не слушать безумного принца. Он знал, что в Драконьем Камне, как и в Красном Замке, были комнаты, где Таргариены в древности держали своих менее чем стабильных родственников в комфорте и безопасности, где они были рядом и не могли быть использованы против них, даже если они не могли сделать и шага, пока жили в комфорте. Он надеялся, что никто не сделал такой большой ремонт, что эти комнаты больше не существовали. Или что Цареубийца снова сделает за них эту работу. Визерис, который должен был стать ценным приобретением, тем, на кого Джейхейрис мог положиться, ни на что не годился.

Освеллу оставалось только надеяться и молиться, что Таргариены усвоили урок и приняли меры, чтобы предотвратить повторение этого безумия в их Доме.

Лорд Джон Аррен

Джон Аррен все еще не мог поверить в то, что он начал понимать, но когда он увидел пятого из ублюдков Роберта, тех, кого Варис все же смог выследить, он почувствовал, как холодная дрожь пробежала по его спине. Все они были похожи на Баратеонов - черные волосы и пронзительные синие глаза. Семя Баратеона было действительно сильным, сильнее, чем у любого Дома, с которым он сталкивался. Кровь Таргариенов много раз меняла окраску на протяжении многих поколений, особенно среди Баратеонов, живших всего несколько поколений назад. Кровь Первых Людей Старков, которую Джон всегда считал более сильной, чем у большинства, все еще уступала место красоте Талли в детях Неда, и только Джон и Арья Старк все еще выглядели как Северяне. Тот факт, что облик предков многих других Домов рухнул под внешним влиянием, мог бы убедить его, что это просто естественный ход вещей, что внешний вид Дома меняется с течением времени. Но с Баратеонами этого никогда не случалось. Независимо от того, какая кровь поступала извне, Баратеоны всегда носили облик Ориса Баратеона, и в отличие от Старков они не были близки к чистым Первым Людям с видом Первых Людей. Незаконнорожденные дети Роберта, чьи матери были так же разнообразны, как и они сами, были убедительным доказательством, даже если генеалогия не сделала этого самостоятельно. Черные волосы, голубые глаза. Черные волосы, голубые глаза. Черные волосы, голубые глаза. Черные волосы, голубые глаза. Снова, и снова, и снова. Джону начинало казаться, что нельзя быть Баратеоном и выглядеть иначе. Так как же объяснить Джоффри, Мирцеллу и Томмена?

Дело в том, что Джон был совершенно уверен, что он уже знает. Он уже не был уверен, что хочет верить. Какие у него были доказательства? Дункан Старк уже был идеальным, существующим примером ребенка, рожденного, который выглядел совсем не так, как кто-либо ожидал. Считалось, что кровь матери Джона Старка была уничтожена его собственным сильным Северным происхождением, а затем появился ребенок с редчайшей расцветкой Дейнов. Джон не стал притворяться, что знает наверняка, как все это работает. Все, что он знал, было то, что он не мог игнорировать это. Возможно, дети принца Джоффри родятся с черными волосами и голубыми глазами. Возможно, если бы принц Джоффри был добрым, справедливым и умным, Джон оставил бы спящих собак в покое. Но Джоффри был мясником,

одетым в шелка, без совести и чувства чести. Джон, честно говоря, жалел, что не заметил этого раньше. Знаки были видны во всем, но Джон наблюдал, как растет мальчик, и тревожные признаки накапливались так медленно, что Джон мог бы вообще отмахнуться от них, если бы не увидел сына Роберта рядом с сыном Неда.

Джон Старк, несмотря на все притворное дружелюбие - вероятно, ради собственной безопасности и безопасности своей семьи, испытывал отвращение к Джоффри Баратеону. Не требовалось тренированного глаза, чтобы увидеть это. Каким бы умным ни был Джон Старк, каким бы ценным членом Малого Совета он ни был, он не очень хорошо умел скрывать свои чувства. Каким бы бесстрастным и суровым ни было его лицо, Джон Аррен видел, как растет Нед Старк, и эти темные дикие глаза выдавали его. Джон был благодарен Роберту за то, что он позволил Уилласу Тиреллу занять пост Мастера над Законами, каким бы рискованным это ни было. В то время как Лорд Уиллас делал хорошие предложения и принимал собственные решения, его главной ролью в Совете стало, более или менее, укрепление и поддержка политики Джона Старка и защита его от внешних атак. Вместе, и часто при поддержке Сира Барристана и даже Вариса, они создали разумный силовой блок, который работал на благо королевства, а не на какую-то явную личную выгоду. Джон Старк нуждался в поддержке, но у него всегда были идеи, и их совместное присутствие в Малом Совете сделало Джона благодарным за то, что он не боролся больше против идей Роберта все эти годы. Простор вернулся в узду, направляемый щенком Неда, и все это работало на укрепление королевства.

Тем не менее, он уходил от своих собственных мыслей, и как бы он ни ценил сына Неда, он не мог позволить этой благодарности и облегчению от его присутствия отвлечь его сейчас. Джон Старк унаследовал сердце и честь своего отца. Он был хорошим человеком, лучшим, кого Джон встречал в Королевской Гавани в течение многих лет. Так как он и сказал, лучший человек, которого Джон встречал здесь в течение многих лет, отвернулся от наследника Короля с плохо скрываемым отвращением? Нет, Джон мог бы проигнорировать его выводы, если бы Джоффри Баратеон был больше похож на Джона Старка. Но как бы то ни было, Роберту нужно было сказать правду, чтобы он мог отбросить своего лживого, ядовитого наследника и найти лучшего. Теперь это было тем более важно, что Роберт был последним законнорожденным Баратеоном, оставшимся в живых. Джон должен был убедиться, что он знает, что он отбросил Серсею и ее детей в сторону. Но сначала ему нужно было собрать достаточно убедительные доказательства, чтобы даже гордость Роберта не смогла преодолеть их. На мгновение ему захотелось привлечь к расследованию Джона Старка, Роберт наверняка поверил бы словам сына Неда, но он отбросил эту мысль почти так же быстро, как она пришла ему в голову. То, что делал Джон, было опасно, и пока Джон Старк не научился скрывать свои собственные эмоции за чем-то большим, чем просто каменное Северное лицо, Джон не мог поставить его в опасную ситуацию. Он не мог найти в себе силы поступить так с любым из детей Неда, не говоря уже о мальчике, названном в его честь, о том, кого Джон всегда считал первенцем Неда.

http://tl.rulate.ru/book/40965/920347